

УДК 81'23:[81'276.6:001]

UDC 81'23:[81'276.6:001]

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВОСПРИЯТИИ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

INDIVIDUAL STRATEGIES OF SCIENTIFIC INFORMATION PROCESSING IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING ORAL SCIENTIFIC SPEECH

С. И. Лебединский,
*кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
теории и методики преподавания
русского языка как иностранного БГУ*

S. Lebedinskiy,
*Chairman of the Department of Russian as
a foreign language theory and methodology
of teaching of BSU, candidate of Philological
Sciences, associate professor*

Поступила в редакцию 05.01.17.

Received on 05.01.17.

В статье на конкретном экспериментальном материале анализируются избирательные подходы слушателей к выработке индивидуальных критериев к оценке воспринимаемой на слух научной информации. По этому когнитивному параметру были разделены испытуемые на детализаторов-аналитиков и генерализаторов-синтетиков. Установлено, что выбор испытуемыми детализированных критериев в оценке идентифицируемых понятий порождает многошаговую категоризацию с привлечением большого числа категорий, которая завершается выявлением различий между соотносимыми понятиями, тогда как выбор обобщающих критериев приводит к категоризации генерализирующего типа с привлечением ограниченного числа категорий, объединенных общим сходным основанием.

Ключевые слова: стратегии понимания устной научной речи, индивидуальные стратегии переработки научной информации, когнитивные стили, категоризация, детализация, компартиментализация, дифференциация, генерализация, синибуляризация.

Based on a specific experiment data, the article analyses selective approaches to developing individual criteria of listening comprehension assessment of scientific information. Using this cognitive parameter, the author divides the subjects into detailed analysts and synthetic generalists. While conducting the experiment, the author finds out that the detailed criteria chosen by the subjects in assessment identified concepts lead to multistage categorization with a number of categories, which results in identifying differences between correlated concepts while the choice of generalized criteria leads to generalized categorization with a limited number of categories, united by a similar basis.

Keywords: strategies of oral scientific speech understanding, individual strategies of scientific information processing, cognitive styles, categorisation, detalization, compartmentalization, differentiation, generalization, synibularization.

Введение. Исследование стратегий понимания устной научной речи во многом осложнено их уникальностью и вариативностью. Эти стратегии не только трудно воспроизвести, но и экспериментально верифицировать. Индивидуальные стратегии переработки научной информации формируются под влиянием различных факторов – опыта, знаний, когнитивных и интеллектуальных способностей слушателей. Решающую роль в их формировании играют также когнитивные стили, которыми предпочитают пользоваться слушатели при переработке научной информации. В зарубежной когнитивистике описано более двух десятков оппозиций когнитивных стилей, которые характеризуют типические особен-

ности когнитивно-интеллектуальной деятельности слушателей и отличаются друг от друга по типу переработки информации, особенностям когнитивного контроля, типам мышления и реагирования, уровню сложности индивидуальных опознавательных систем. Цель данной статьи – анализ и экспериментальная верификация особенностей когнитивно-интеллектуальной деятельности слушателей, которые оказывают наибольшее влияние на формирование индивидуальных стратегий понимания устной научной речи.

Основная часть. В зависимости от склонности слушателей при переработке научной информации использовать строгие детализированные либо, напротив, более

обобщенные критерии в оценке идентифицируемых объектов и понятий их можно разделить на понятийных детализаторов (аналитиков) и генерализаторов (синтетиков). Детализаторы-аналитики при восприятии научной речи оперируют намного бóльшим количеством категорий, чем генерализаторы-синтетики. Они склонны выявлять различия в ряду объектов и понятий, тогда как генерализаторы обращают внимание преимущественно на выявлении сходства между объектами. Крайним проявлением аналитичности считается компартиментализация, под которой понимается склонность слушателей при переработке научной информации выделять чрезмерно большое количество групп, в состав которых входит один и тот же объект [1, с. 292; 2, с. 60–65]. Крайним проявлением синтетичности является синибуляризация, которая проявляется в попытках слушателей отнести идентифицируемый объект к группе разнородных объектов, имеющих минимальную степень общности. Так, например, слушатель может объединить в одну группу понятия «время» и «информация», если понятие «информация» он привяжет ко времени ее возникновения: *старая, устаревшая, новая, оперативная, текущая, срочная информация*. Понятие «время» слушатель также может объединить с понятием «пространство», так как пространство всегда существует во времени, а время – в пространстве. Однако подобное соотнесение понятий не способствует точности их идентификации, поскольку затрагивает лишь периферию, а не главные системообразующие признаки. Из этого следует, что понятийная общность в контексте речепонимания – величина относительная. Для слушателя она может быть очевидной или неочевидной, максимальной или минимальной, прямой или опосредованной. Так, например, между техническими терминами *карданный вал* и *зубчатый вал* имеется определенная связь, реализуемая либо на основе дифференциации принципа работы данных механизмов (*функциональная связь*), либо на основе принадлежности этих деталей к определенным техническим изделиям: *карданный вал* как механизм двигателя автомобиля, *зубчатый вал* как деталь часового или иного механизма (*связь часть-целое*). Если слушателю из-за пробелов в языковом и / или профессиональном развитии не удастся установить подобную связь, то в этом случае он может ограни-

читься установлением весьма условной и обобщенной связи, которая не несет системообразующей ценности с точки зрения разграничения исходных понятий. Например, оба понятия слушатель может отнести к изделиям, изготовленным из металла (*верхний предел минимальной общности*), либо к предметам, обладающим весом, плотностью, размером (*нижний предел минимальной общности*). Таким образом, синибуляризация позволяет установить некоторую весьма условную связь между понятиями, хотя такая связь в силу отсутствия в ней системообразующей ценности особой роли в процессе речепонимания не играет. Она служит промежуточным звеном в когнитивной деятельности, в ходе которого слушателю удастся удерживать необходимую информацию в зоне активного внимания посредством ее привязки к синибулярным понятиям, обладающим весьма условной связью с исходным понятием. Между компартиментализацией и синибуляризацией существует большое пространство когнитивных решений, которые базируются на двух операциях – дифференциации и генерализации. Количество этих решений зависит от глубины дифференциации, с одной стороны, и уровня генерализации – с другой. В зависимости от уровня насыщенности дотекстовой пресуппозиции слушателей процессы дифференциации и генерализации могут осуществляться поэтапно или скачкообразно (с пропуском некоторых этапов).

Для того чтобы установить, каким когнитивным стилем пользуются испытуемые – аналитическим (детализирующим) или синтетическим (генерализирующим), и каков потенциал каждого из этих стилей в процессе переработки научной информации, был проведен эксперимент, цель которого – выявление индивидуальных различий испытуемых в выборе критериев оценки идентифицируемых понятий – строго детализированных или, напротив, более обобщенных. Согласно экспериментальной гипотезе, выбор испытуемыми детализированных критериев в оценке идентифицируемых понятий приводит к многошаговой категоризации с привлечением большого числа категорий, которая завершается выявлением различий между соотносимыми понятиями, тогда как выбор обобщающих критериев приводит к категоризации генерализирующего типа с привлечением ограниченного числа категорий, объединенных общим сходным основанием.

С целью проверки этой гипотезы испытуемым было предложено прослушать и записать десять экономических терминов, а затем соотнести их с понятиями, с которыми, по мнению испытуемых, они связаны. В эксперименте приняли участие 40 студентов-экономистов двух факультетов БГУ – экономического и международных отношений (специальность «Мировая экономика») по 20 человек в каждой группе. Первая группа была представлена иностранными студентами, владеющие русским языком на уровне коммуникативной насыщенности и профессиональной достаточности (уровень В2, третий курс вуза), вторая группа – белорусскими студентами, то есть носителями русского языка. Результаты эксперимента в целом подтвердили нашу гипотезу. У одних испытуемых проявилась ярко выраженная тенденция к детализации, у других – к генерализации. В первой группе генерализаторов-синтетиков оказалось больше, чем детализаторов-аналитиков. Во второй группе, напротив, доминировала тенденция к детализации, а генерализирующий вектор категоризации для испытуемых выполнял вспомогательную роль.

В таблице 1 на примере экономических понятий *валюта* и *дериват* проиллюстрированы основные виды стратегий детализации и генерализации, к которым прибегали носители языка и иностранные испытуемые в ходе эксперимента. В таблице 2 приведены статистические данные, демонстрирующие различия испытуемых в индивидуальных подходах к категоризации. Отметим, что из двадцати испытуемых-носителей языка, участвовавших в эксперименте, лишь у троих доминировала комплексная стратегия. Еще двое задействовали ее эпизодично. Все остальные носители языка предпочли детализирующие процедуры, что свидетельствует о хорошем знании предметного содержания специализированных контекстов, в которых используются исходные терминопонятия. В группе иностранных испытуемых, напротив, в основном доминировали генерализирующие и частично комплексные процедуры и практически отсутствовали детализирующие процедуры, что свидетельствует о пробелах в пресуппозициях иностранцев, касающихся детализации исходных терминопонятий. Трудность детализации данных понятий иностранными испытуемыми можно также объяснить тем, что эти понятия не имеют глубокой перспективы к детализации,

поскольку находятся в нижней части понятийного пространства международной экономики, которая заполняется узкоспециализированными понятиями, функционирующими в ограниченных экономических контекстах. Так, например, термин *валюта* обычно используется в контексте международной валютно-финансовой системы и теории валютного курса и сопряжен с ограниченным числом понятий (*резервная, конвертируемая, твердая валюта, валютная система, валютная политика, конвертируемость, валютное замещение, валютный курс, валютная котировка, девальвация валюты*) и узкоспециальных терминов (*спекулятивная атака, ползущая фиксация, управляемое плавание, форвардный курс, денежный мультипликатор, гиперреакция валютного курса*), а поэтому если испытуемый будет продолжать детализацию этого термина, то он неизбежно выйдет на эти специализированные понятия, что потребует от него хорошего знания механизмов валютной политики и теории валютного курса. В контексте международной экономики термин *дериват* также используется в ограниченном круге специализированных тем и сопряжен с ограниченным числом узкопрофильных терминов (*варрант, опцион, своп, форвард, фьючерс, рынок дериватов, валютные, процентные, товарные дериваты, дериваты на акции и биржевые индексы, процентный потолок, процентный пол, процентный коллар*), а поэтому продолжение детализации этого термина потребует от испытуемого хорошего знания этой терминологии. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что глубина и масштабы детализации зависят не только от когнитивных способностей и профессиональной компетенции слушателей, но и от категориальной насыщенности самих понятий, инициирующих детализацию. Максимальными эти показатели становятся в тех случаях, когда понятия, запускающие детализацию, расположены в верхней или средней части понятийного графа научной области. Такие понятия, как правило, обладают разветвленными классифицирующими связями, а, следовательно, и насыщенным детализирующим потенциалом. И, наоборот, если понятия, запускающие детализацию, расположены в нижней части понятийного графа научной отрасли, то глубина и масштабы детализации, скорее всего, окажутся минимальными. Отметим, что данные выводы в контексте речепонимания следует рас-

смагивать как теоретически возможные. В действительности же к перечисленным факторам следует добавить еще и предрасположенность слушателей к детализации или генерализации как доминирующим стилевым способам переработки научной информации. Именно такая предрасположен-

ность слушателей к использованию строгих детализированных либо, напротив, более обобщенных критериев в оценке идентифицируемых объектов и понятий позволяет говорить о делении слушателей на детализаторов-аналитиков и генерализаторов-синтетиков [3, с. 16–24].

Таблица 1 – Типология стратегий детализации и генерализации экономических понятий валюта и дериват

Базовые термины	Понятия, с которыми соотнесены базовые термины (уровни, глубина, масштаб детализации)	Стратегии детализации (генерализации)
<i>валюта</i>	→ (1) иностранная, национальная валюта или: → (2) конвертируемость валюты	<i>одношаговая детализация</i>
<i>дериват</i>	→ (1) валютные (процентные) дериваты или (2) дериваты на акции и биржевые индексы	
<i>валюта</i>	→ (1) валютный курс → плавающий, фиксированный валютный курс или (2) конвертируемость валюты → внешняя, внутренняя, товарная, по капитальным операциям, по текущим операциям	<i>двухшаговая детализация</i>
<i>дериват</i>	→ валютные, процентные, товарные дериваты → опцион, своп, форвард, варрант	
<i>валюта</i>	→ валютный курс → плавающий, фиксированный → валютная котировка → прямая, косвенная, кросс-котировка → валютный коридор → равновесный валютный коридор	<i>многошаговая детализация</i>
<i>дериват</i>	→ валютные, процентные, товарные дериваты → опцион, своп, форвард, фьючерс, варрант → английский, европейский опцион	
<i>валюта</i>	→ (1) валютный коридор или (2) равновесный валютный курс или (3) внешняя (внутренняя) конвертируемость	<i>дистантная (скачкообразная) детализация</i>
<i>дериват</i>	→ опцион на покупку (опцион call), опцион на продажу (опцион put)	
<i>валюта</i>	→ (1) валютный курс → фиксированный, ограниченно гибкий, плавающий валютный курс; → (2) девальвация, ревальвация валюты	<i>многовекторная детализация</i>
<i>дериват</i>	→ (1) валютные (товарные) дериваты; → (2) опцион на акции и биржевые индексы → фиксированная (плавающая) процентная ставка	
<i>валюта</i>	→ валютная система (международная валютно-финансовая система)	<i>одношаговая генерализация</i>
<i>дериват</i>	→ (1) рынок дериватов; (2) долговые обязательства; (3) инструменты денежного рынка	
<i>валюта</i>	→ валютная система (международная валютно-финансовая система) → валютная политика → международная экономика	<i>многошаговая генерализация</i>
<i>дериват</i>	→ (1) рынок дериватов → международные финансовые рынки или (2) долговые обязательства → портфельные инвестиции	
<i>валюта</i>	→ валютное замещение (как инструмент валютной политики)	<i>скачкообразная генерализация</i>
<i>дериват</i>	→ портфельные инвестиции	
<i>валюта</i>	→ валютная политика (генерализация) → валютное замещение, валютные активы, валютные риски, валютный курс, валютный коридор как инструменты валютной политики (детализация)	<i>комплексная стратегия (генерализация + детализация)</i>
<i>дериват</i>	→ портфельные инвестиции (генерализация) → облигации, инструменты денежного рынка и финансовые дериваты (детализация портфельных инвестиций) → опционы, свопы (детализация базового термина)	

Таблица 2 – Статистические данные, демонстрирующие различия испытуемых в индивидуальных подходах к категоризации (на примере экономических понятий валюта и дериват)

Тип стратегии, которой пользовались испытуемые в процессе категоризации	Иностранцы, кол-во	Носители языка, кол-во
<i>одношаговая детализация</i>	3 (2)	1 (1)
<i>двухшаговая детализация</i>	–	4 (3)
<i>многошаговая детализация</i>	–	7 (9)
<i>дистантная (скачкообразная) детализация</i>	–	3 (1)
<i>многовекторная детализация</i>	–	2 (1)
<i>одношаговая генерализация</i>	3 (6)	–
<i>многошаговая генерализация</i>	3 (5)	–
<i>скачкообразная генерализация</i>	5 (4)	–
<i>комплексная стратегия (генерализация + детализация)</i>	6 (3)	3 (5)

Результаты проведенного эксперимента можно дополнить выводами других исследователей, которые существенно расширяют наши представления о детализаторах-аналитиках и генерализаторах-синтетиках. Так, по мнению В. А. Колги, детализирующий подход к переработке информации аналитиками-детализаторами является результатом использования жестких субъективных критериев или оценочных шкал с малой ценой деления, а синтетический подход в деятельности генерализаторов-синтетиков – напротив, результатом применения мягких критериев или слабо дифференцированных оценочных шкал [1, с. 292; 4]. В других исследованиях когнитивных стилей (например, в работах Р. Гарднера) подчеркивается, что для аналитиков-детализаторов при речепонимании и построении вторичных речевых продуктов характерна склонность к буквальному воспроизведению информации и меньшей оригинальности в ее изложении, к построению однообразных структурных типов высказываний, приближению своих оценок о воспринятой информации к некоей усредненной форме [1, с. 292].

Оценивая результаты проведенного эксперимента, отметим, что одним из его итогов стал вывод о полном или частичном несоответствии когнитивных стилей, которыми в процессе переработки научной информации предпочитают пользоваться носители языка и иностранцы. Этот вывод основывается не только на результатах проведенного эксперимента, но и на многолетних экспериментальных исследованиях, которые осуществлялись по аналогичной методике с другим составом участников и демонстрировали устойчивость данной тенденции. Однако делать итоговый вывод о том, что все иностранцы предрасположены к использованию когнитивных стилей, противополож-

ных тем, которыми пользуются носители русского языка, на наш взгляд, все-таки не следует. Дело в том, что подавляющее число иностранных участников наших экспериментов составляли представители арабских стран и стран юго-восточной Азии. В 1990–2000-е гг. это были преимущественно китайцы, сирийцы, ливийцы, ливанцы, палестинцы и иракцы, а с 2008 г. к ним добавились еще и иранцы, туркмены, таджики, вьетнамцы и корейцы. С европейским контингентом испытуемых эксперименты проводились лишь дважды, причем это были сборные группы, в которые входили немцы, шведы, финны, швейцарцы, австрийцы, чехи, словаки и испанцы, представленные в ограниченном составе (два–три человека от каждой страны). К тому же их участие в экспериментах осложнялось тем, что у всех европейских испытуемых были разные специальности, что затрудняло их объединение в группы. И, тем не менее, эксперименты, проведенные с этим контингентом испытуемых, показали, что результаты европейцев в выборе предпочтительных видов когнитивных стилей максимально сходны с результатами носителей русского языка, что говорит в пользу существования помимо биопсихологических факторов, влияющих на выбор доминирующих когнитивных стилей переработки информации, еще и этнокультурных факторов, которые включают особенности формирования когнитивной базы испытуемых в той или иной этнокультурной среде, специфику национальной логики мышления и способов восприятия информации (например, преобладание у китайцев образного мышления или дефицитность абстрактного мышления у арабов и иранцев), особенности национальной образовательной системы, влияние родного языка испытуемых и его участие в качестве языка-посредника

в переработке научной информации и т. д. Если с этих позиций сравнивать европейцев и русских (или белорусов), то их этнокультурные особенности максимально сходны: во-первых, у них одинаково хорошо развиты когнитивные базы, что свидетельствует о фундаментальности полученного ими школьного образования; во-вторых, они обладают высоким интеллектуальным потенциалом и развитой логикой научного мышления, что позволяло им в процессе речепонимания избирать эффективные стратегии переработки информации. Что же касается испытуемых из азиатских стран, то их когнитивно-интеллектуальный потенциал по ряду объективных причин (например, из-за отсутствия целенаправленной работы вузов по отбору иностранных граждан на обучение) в большинстве случаев оказывался более низким, чем у европейцев или русских, что свидетельствовало, прежде всего, о пробелах в их общеобразовательном развитии и дефицитности их репрезентационных способностей, которая в экспериментах проявлялась в неспособности испытуемых построить адекватное представление о ситуации без четких указаний относительно ее природы и способов ее разрешения; в неполном представлении о ситуации, когда часть деталей не попадала в поле зрения слушателей; в неспособности построить адекватную репрезентацию на неопределенной, недостаточной, незавершенной информационной основе; в неспособности быстро и точно выделять ключевые элементы ситуации с тем, чтобы сделать их опорными пунктами дальнейших рассуждений; в предпочтении опираться на непосредственные субъективные ассоциации, а не на анализ объективных особенностей ситуации; в неготовности перестроить образ ситуации в соответствии с изменением условий; в предпочтении более простых и хорошо организованных форм репрезентаций перед сложными, противоречивыми и дисгармоничными; в неспособности реагировать на скрытые аспекты ситуации; в отсутствии в конструируемых репрезентациях высокообобщенных элементов, свидетельству-

ющих о существенных пробелах в знаниях [5, с. 101–102]. Видимо, именно поэтому, испытуемым из азиатских стран далеко не всегда удавалось избирать эффективные стратегии переработки научной информации. Тем не менее, предрасположенность испытуемых к выбору одних и тех же предпочтительных когнитивных стилей реально существует, о чем свидетельствуют результаты не только проведенных нами экспериментов, но и других экспериментальных исследований, посвященных изучению когнитивных стилей [1; 2; 4–11].

Заключение. В ходе проведенного эксперимента установлено, что в зависимости от склонности слушателей при переработке научной информации использовать строгие детализированные либо, напротив, более обобщенные критерии в оценке идентифицируемых объектов и понятий их можно разделить на понятийных детализаторов (аналитиков) и генерализаторов (синтетиков). В основе использования слушателями разных подходов к категоризации лежит не только природная склонность испытуемых к осуществлению подобных процедур именно таким, а не иным способом, но и психологические и языковые факторы, связанные с трудностью детализации средствами иностранного языка. В ходе эксперимента установлено, что детализация может быть одношаговой, двухшаговой, многошаговой, дистантной (или скачкообразной) и многовекторной, которая реализуется сразу в нескольких направлениях. Генерализация также может протекать по-разному. Чаще всего она бывает одношаговой или скачкообразной, реже – многошаговой. Случаев многовекторной генерализации нами не выявлено, хотя теоретически это возможно, особенно если генерализируются понятия, занимающие нижние позиции в понятийном пространстве конкретной научной области. Глубина и масштабы детализации зависят не только от когнитивных способностей и профессиональной компетенции слушателей, но и от категориальной насыщенности самих понятий, инициирующих детализацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕРСЭ, 2002. – С. 283–314.
2. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 384 с. (Серия «Мастера психологии»).

REFERENCES

1. Kognitivnaya psikhologiya / pod red. V. N. Druzhinina, D. V. Ushakova. – M. : PERSE, 2002. – S. 283-314.
2. Kholodnaya, M. A. Kognitivnyye stili. O prirode individualnogo uma / M. A. Kholodnaya. – 2-ye izd. – SPb. : Piter, 2004. – 384 s. (Seriya "Mastera psikhologii").

3. Лебединский, С. И. Понятийная детализация и генерализация / С. И. Лебединский // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях : сб. науч. ст. / редкол.: С. И. Лебединский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 16–24.
4. Колга, В. А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. А. Колга. – Л., 1976. – 26 с.
5. Холодная, М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
6. Лебединский, С. И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи / С. И. Лебединский. – Минск : Изд.-во БГУ, 2014. – 296 с.
7. Лебединский, С. И. Стратегии смыслоформулирования и конструирования ментальных репрезентаций / С. И. Лебединский // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. № 5. – Минск, 2015. – С. 22–29.
8. Лебединский, С. И. Стратегии смыслоформулирования при понимании устной научной речи / С. И. Лебединский // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях : сб. науч. ст. / редкол.: С. И. Лебединский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – С. 63–69.
9. Лебединский, С. И. О стратегиях смыслоформулирования / С. И. Лебединский // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному. Сб. науч. ст. Вып.1. – Минск : Колорград, 2016. – С. 106–113.
10. Лебединский, С. И. Понятийная детализация и генерализация / С. И. Лебединский // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях : сб. науч. ст. / редкол.: С. И. Лебединский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 16–24.
11. Gardner, R. W. Differentiation and abstraction in concept formation / R. W. Gardner, R. A. Schoen // P. D. Warr (Ed), Thought and Personality. – Baltimor, 1970. – P. 55–92.
3. Lebedinskiy, S. I. Ponyatiynaya detalizatsiya i generalizatsiya / S. I. Lebedinskiy // Aktualnyye problem organizatsii uchebnogo protsessa i obucheniya inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh : sb. nauch. st. / redkol.: S. I. Lebedinskiy (otv. red.) [i dr.]. – Minsk : Izd. tsentr BGU, 2016. – S. 16–24.
4. Kolga, V. A. Differentsialno-psikhologicheskoye issledovaniye kognitivnogo stilya i obuchayemosti : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk / V. A. Kolga. – L., 1976. – 26 s.
5. Kholodnaya, M. A. Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya / M. A. Kholodnaya. – 2-ye izd., pererab. i dop. – SPb. : Piter, 2002. – 272 s.: il. (Seriya "Mastera psikhologii").
6. Lebedinskiy, S. I. Strategii smyslovogo vospriyatiya i interpretatsii ustnoy inoyazychnoy nauchnoy rechi / S. I. Lebedinskiy. – Minsk : Izd-vo BGU, 2014. – 296 s.
7. Lebedinskiy, S. I. Strategii smysloformulirovaniya i konstruirovaniya mentalnykh reprezentatsiy / S. I. Lebedinskiy // Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya. № 5. – Minsk, 2015. – S. 22–29.
8. Lebedinskiy, S. I. Strategii smysloformulirovaniya pri ponimaniy ustnoy nauchnoy rechi / S. I. Lebedinskiy // Aktualnyye problem organizatsii uchebnogo protsessa i obucheniya inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh : sb. nauch. st. / redkol.: S. I. Lebedinskiy (otv. red.) [i dr.]. – Minsk : Izd. tsentr BGU, 2013. – S. 63–69.
9. Lebedinskiy, S. I. O strategiyakh smysloformulirovaniya / S. I. Lebedinskiy // Lingvodidaktika: novyye tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu. Sb. nauch. st. Vyp. 1. – Minsk : Kolorgrad, 2016. – S. 106–113.
10. Lebedinskiy, S. I. Ponyatiynaya detalizatsiya i generalizatsiya / S. I. Lebedinskiy // Aktualnyye problem organizatsii uchebnogo protsessa i obucheniya inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh : sb. nauch. st. / redkol.: S. I. Lebedinskiy (otv. red.) [i dr.]. – Minsk : Izd. tsentr BGU, 2016. – S. 16–24.
11. Gardner, R. W. Differentiation and abstraction in concept formation / R. W. Gardner, R. A. Schoen // P. D. Warr (Ed), Thought and Personality. – Baltimor, 1970. – P. 55–92.